

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В ДИАХРОНИИ

Е. В. Буденная

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Институт языкознания РАН

(Россия, Москва)

jane.sdrv@gmail.com

КОНЬЯЧКУ БЫ, ДА ДО ДОМУ: ХРОНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ВТОРОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

В статье на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) исследуется диахроническое развитие конструкций со вторым родительным падежом (флексия -у) в трех типах контекстов: 1) конструкции с именными квантификаторами; 2) конструкции с предлогом *без*; 3) конструкции с предлогом *до*. Также данные русского языка сравниваются с данными других языков (прибалтийско-финских, некоторых тюркских), в которых присутствует тенденция к употреблению партитивного падежа в неутвердительных высказываниях. Результаты исследования показывают, что во всех трех типах исследуемых контекстов имеются основания выделять партитивную семантику GEN2. Кроме того, у-флексия GEN2, не восходящая к историческому *й*-склонению и некоторым односложным словам исторического *й*-склонения, в первую очередь распространяется в XV в. у отглагольных существительных с семантикой результата или собственно акта действия (конструкции вида *без спросу*, *без разбору* и т. д.), а также у отглагольных существительных с абстрактной семантикой процесса или состояния (конструкции вида *до звону*, *до сроку* и т. д.). В дальнейшем развитие GEN2 в исследуемых контекстах происходит по-разному: во всех исследуемых сочетаниях, за исключением существительных с дефектной парадигмой, формы регулярного генитива на -а постепенно вытесняют формы GEN2, однако для диминутивов, в том числе образованных от заимствований, в конструкциях с квантификаторами модель с GEN2 по-прежнему употребительна. Кроме того, дистрибуция некоторых существительных в формах регулярного генитива и GEN2 в конструкциях с *бы* со значением пожелания позволяет сделать вывод о том, что в русском языке присутствует тенденция к употреблению GEN2 в неассертивных контекстах, характерная для ряда других языков.

Ключевые слова: русский язык, второй родительный падеж, партитив, диахронический анализ, корпусная лингвистика

0. Вводные замечания

Формы так называемого второго родительного падежа¹ (в терминологии различных исследователей также количественного отделительного [Зализняк 1967], родительного партитивного [РГ-80; Timberlake 2004], родительного делимого целого [Крысько 2006]) на -у (*чашка чаю, поест супу, коньячку бы, ни разу, до дому*) у части неодушевленных русских существительных мужского рода ранее широко изучались в контексте других генитивных форм — как приглагольных объектных, так и управляемых предлогами [Борковский, Кузнецов 2006/1963; РГ-80; Крысько 2006; Малышева 2010; Daniel 2014]. Тем не менее в силу многообразия и неоднородности данных форм ряд вопросов, касающихся их развития, требует дальнейшего изучения и систематизации.

Исторически развитие второго родительного падежа на -у, во многих случаях не выделяемого в отдельную грамему в силу параллельных регулярных форм на -а (ср. *выпить чаю / чая, много народу / народа*), а также достаточно ограниченного набора слов, способных образовывать -у-формы (ср. *чашка чаю / чая* vs. *стакан глинтвейна/*глинтвейну*), связывается с перестройкой системы древнерусского склонения (выравнивание слов *й*-склонения по образцу более широкого класса слов *ѡ*-склонения)². В частности, в поздний праславянский период к немногочисленным словам древнего *й*-склонения относились лексемы *дѣлѣ*³, *сынѣ*, *домѣ*, *полѣ*, *вѣрхѣ*, *низѣ*, *волѣ*, *ледѣ*, *лѣсѣ*, *медѣ*, *рядѣ*, *пѣлкѣ*, *мостѣ*, *свѣтѣ*, *тѣргѣ*, *дарѣ*, *пирѣ*, *часѣ*, *чинѣ* и ряд других, схожих по формальным морфонологическим особенностям основы [Горшкова, Хабургаев 1981: 150]. Однако уже в раннедревнерусский период в берестяных грамотах у ряда лексем (в частности, *дѣлѣ*, *сынѣ*, *тѣргѣ*) наблюдались колебания между *й*- и *ѡ*-склонением, с последующим выравниванием по последнему [Зализняк 2004: 112]. Тем не менее многие из этих слов до сих пор сохраняют формы второго родительного падежа (преимущественно в идиомах и адвербиализованных формах), наряду с регулярным родительным на -а/-я: *сжити со свету, нашего полку прибыло, с верху до низу* и т. д. При этом говорить о формах второго родительного исключительно как об исторических реликтах также не приходится: в период XV–XVI вв. происходит заметное расширение сферы употребления второго родительного падежа, затрагивающее новые слова с вещественной и абстрактной семантикой, а также топонимы, морфонологически близкие и/или исторически родственные словам древнего *й*-склонения [Шахматов 1957: 240–244; Марков 1974: 51–56; Горшкова, Хабургаев 1981: 183], в контекстах, типологически свойственных партитивным формам (семантика

¹ Далее также GEN2.

² Данная перестройка, по-видимому, была инициирована тенденцией к выражению грамем мужского рода одними и теми же морфологическими средствами, в первую очередь среди слов определенной акцентно-деривативной модели — одно- или двусложных, с подвижной акцентной парадигмой [Шульга 1987: 72].

³ Здесь и далее древнерусские примеры даются в современной графике, а числительные — в современной арабской передаче.

неопределенного количества, зачастую в конструкциях с квантификаторами и под отрицанием) [Lass 1990; Luraghi, Kittilä 2014; Daniel 2014].

С. Лураги и С. Киттиля [Luraghi, Kittilä 2014: 52] отмечают, что исторически партитивное значение было свойственно еще индоевропейскому генитиву и отмечалось у регулярных древнерусских генитивных форм задолго до распространения форм на -у, что в целом является типологически распространенным процессом (генитив как один из регулярных диахронических источников партитива, наряду с аблативом [Heine, Kuteva 2002: 52–53]). Распространение же второго родительного (родительного партитивного) на -у, таким образом, представляет собой процесс переориентирования данной граммемы на новую функцию, для которой ранее не было отдельного показателя. Р. Ласс [Lass 1990] называет подобное диахроническое развитие термином «экзаптация» (“exaptation”), подчеркивающим кооптирующую партитивную функцию форм второго родительного падежа и традиционного генитива, по-прежнему употребляемого в партитивном значении в соответствующих контекстах у слов женского и среднего рода (*выпить воды, бокал вина* и т. д.).

Тем не менее в современном русском языке употребление форм второго родительного падежа не ограничивается партитивными контекстами. М. А. Даниэль [Daniel 2014] отдельно отмечает большой класс конструкций с пространственными и абстрактными предлогами (в первую очередь *с, без, до, от, из*, см. также [РГ-80]), многие из которых фразеологизированы, и для части фигурирующих в них существительных, в первую очередь — отглагольных, формы родительного падежа на -а в принципе невозможны: *со смеху, от роду, до дому, без умолку, без удержу* и др. Семантически слова, образующие второй родительный на -у, также достаточно разнородны: в этот круг входят как слова с вещественным значением в самом широком понимании (*воздух, коньяк, аспирин* и др.), так и физические состояния (*визг, шум, жар* и др.), абстрактные понятия, связанные с деятельностью или состоянием людей (*азарт, гонор, порядок* и др.), слова со значением нерасчлененной множественности (*люд, народ* и др.), отглагольные имена — преимущественно в составе идиом (*без разбору, с разбегу, с размаху* и ряд других абстрактных неодушевленных существительных). В работе [Плунгян 2005] отмечается, что второй родительный падеж «обычно может быть заменен на простой родительный» (так, можно сказать *положите себе еще сахару* и *положите себе еще сахара*), а также что новые заимствования уже много десятилетий не принимают формы второго родительного падежа. Однако корпусное исследование демонстрирует, что во многих контекстах полной взаимозаменяемости стандартного и второго родительного падежей не происходит (например, в НКРЯ сочетание *ни разу* встретилось 8762 раза против всего 12 вхождений ^{??}*ни раза* [Daniel 2014: 361]).

Не совсем однозначной выглядит ситуация и со вторым родительным падежом у заимствований: с одной стороны, на первый взгляд, действительно нельзя говорить о каком-либо заметном проникновении данной граммемы в заимствования последних лет; с другой стороны, М. А. Даниэль на корпусных данных отмечает ее в том числе и у заимствований — в частности, у слова *коньяк* и диминутива *коньячок* [Ibid.: 372]. Хотя эти слова не относятся к заимствованиям последних

десятилетий (по данным НКРЯ, их первые вхождения датируются XIX в.), представляется, что корпусные данные помогут точнее очертить хронологию проникновения подобных форм в массив заимствований. В работе В. А. Плунгяна подчеркивается, что современный русский партитив, выражающий значение неопределенного небольшого количества, в силу семантики тяготеет к диминутивным формам существительных: «только у диминутивов типа *чайку* или *сахарку* партитив может быть обязательным (форма **чайка* недопустима) или предпочтительным (ср. нормальное *огоньку* при отсутствии партитива **огню* у недиминутивного коррелята)» [Плунган 2011: 138]. В этой связи данные НКРЯ подтверждают употребительность второго родительного падежа в том числе у недавних заимствований, в том случае, если они употреблены в диминутивной форме:

- (1) *Давай-ка, деточка, мы тебе **баралгинчику** вколем, — бисит он.* [Екатерина Костинова. *Мамочки* // «Столица», 1997.11.11].

Данные корпусного исследования демонстрируют, что четкое партитивное значение у форм второго родительного падежа представлено ориентировочно не более, чем в половине случаев [Daniel 2014: 371], и подробный анализ всех вхождений второго родительного падежа представляет собой отдельную задачу. Все эти факты указывают на необходимость специального исследования конкретных контекстов, содержащих формы родительного падежа на -у. Задача настоящей статьи — восстановить на материале НКРЯ, с привлечением также данных Картотеки «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (далее — Картотека) для периода до XV в. [Шульга 1978], хронологию развития форм второго родительного падежа на -у для различных классов слов, для трех распространенных типов контекстов — 1) конструкции с именными квантификаторами; 2) конструкции с предлогом *без*; 3) конструкции с предлогом *до*. На данный момент существует достаточно много работ, касающихся функционирования второго родительного падежа на том или ином синхронном срезе, однако диахронических корпусных исследований этих форм существенно меньше. В связи с этим настоящая работа ставит перед собой цель провести пилотное диахроническое исследование того, как именно расширялась сфера «второго родительного» падежа.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 будут проанализированы конструкции с именными квантификаторами в диахронической перспективе, раздел 2 будет посвящен конструкциям с предлогом *без*, а раздел 3 — конструкциям с предлогом *до*. В разделе 4 речь пойдет о наблюдениях, сделанных на материале НКРЯ, о связи партитива и неассертивной модальности. Основным инструментом исследования является панхронический поиск по НКРЯ, позволяющий проследивать изменение конкретных сочетаний на всем массиве текстов XI–XXI вв. [Сичинава 2023].

1. Конструкции с именными квантификаторами

Конструкции с именными квантификаторами, наряду с числительными, представляют собой один из типичных контекстов для партитивного значения (отношение «часть — целое», где существительное с партитивной семантикой обозначает

некоторое количество сущностей, взятых из единой совокупности). Анализ этих конструкций, по данным НКРЯ, позволяет выделить три хронологических этапа их развития. На первом этапе (XI–XV вв.) формы второго родительного падежа на -у в конструкциях с квантификаторами используются у слов бывшего *й*-склонения (*медь*), а также с 5-ю исконно славянскими словами, восходящими к *ѡ*-склонению, с вещественной семантикой: *бобъ*, *воскъ*, *льнъ*, *горохъ*, *солодъ*, *шелкъ* (см. также [Зализняк 2004: 107]) и заимствованного из нижненемецкого слова *водмоль* [Там же: 597], обозначающего сорт домотканого сукна (7):

- (2) *варя 300 переваръ меду* [Повесть временных лет по Ипат., 47 (996)];
- (3) *а бобуо 7 мьро* [Гр. 1023, конец XII в.]
- (4) *а горохоу 7 оубороковъ* [Рус. Пр. XI, по списку 1282, 616 об.]
- (5) *кругъ воску* [Гр. 1054, XIII в.];
- (6) *а оу кюриле горохоу цетвертина* [Гр. 220, XIII в.]
- (7) *у ваиваса у ваякишина 12 локти водмолу* [Гр. 130, конец XIII в.]
- (8) *золотнике зеленого шолку* [Гр. 288, XIV в.];
- (9) <...> *6 коробей ржи да коробья пшеници 3 солоду дару 3 кунници да пудъ меду дѣтемъ по бѣлки 3 и 3 горсти лену* ‘<...> шесть коробей ржи да коробью пшеницы и три солоду, дара три кунницы да пуд меду, детям по белке, три и три горсти льна’ [Гр. 136, XIV в.].

Эти данные согласуются с материалами М. В. Шульги [1978], выполненными на материале Картотеки «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.»⁴ — крупнейшего собрания древнерусских материалов соответствующего периода, где выделяются аналогичные лексемы (за исключением *водмоль*), образующие формы GEN2. В то же время работа М. В. Шульги представляет более полную картину исследуемого явления, выделяя все случаи варьирования между -у и -а-формами родительного падежа у всех проанализированных словоформ. Согласно этим данным, в лексемах *медь* и *воскъ*, хоть и в существенно меньшей степени по сравнению с -у-формами, но все же встречаются и формы родительного падежа на -а (6 из 52 и 2 из 13 вхождений для *медь* и *воскъ* соответственно [Шульга 1978: 14]). Однако в конструкциях с квантификаторами подобных форм в НКРЯ не встретилось; данные же Картотеки [Там же: 34] содержат только одно вхождение такого рода, с лексемой *медь*:

- (10) *сладчайши меда словесы* [ГБ XIV, 436].

У остальных же слов мужского рода, восходящих к историческому *ѡ*-склонению, до XV в. в конструкциях с квантификаторами употребляются только формы регулярного генитива на -а (11–13):

- (11) *и плениша же и скота* *бецисленое множество* [Киевская летопись по Ипат., 110 об. за 1135 г.];
- (12) *дежа овса* [Гр. 1109, XIV в.];

⁴ Благодарю анонимного рецензента за уточнения по данным Картотеки.

- (13) *А хлеба сѣяно семь коробей жита да коробья ржи* [ГВНП 329, Память Антона Григорьева сына Соловецкому монастырю о вкладе деревни на Прилуке, XV в.].

Согласно данным М. В. Шульги [1987] и А. Т. Лавриненко [1975], раннедревнерусский период в целом характеризуется сильной вариативностью *-у* и *-а*-флексий у одних и тех же слов, которая к XVII в. постепенно сходит на нет [Шульга 1987: 80]. Тем не менее конструкции с квантификаторами подобной вариативностью практически не затрагиваются. Однако можно отметить, что в этих конструкциях GEN2 представлен только у односложных лексем с подвижным ударением, которые в силу акцентно-морфологических особенностей (дифференциация родительного падежа единственного и двойственного числа за счет ударения на основу и на флексию соответственно) в первую очередь перенимали формы родительного падежа на *-у* [Шульга 2017: 154]. Учитывая тот факт, что другие лексемы с вещественным значением (*хлѣбъ*, *овѣсь*, *скоть* и др., см. (10)–(12)), не имеющие подвижного ударения, в период до XV в. в аналогичных конструкциях последовательно сохраняют *-а*-формы родительного падежа, можно полагать, что дифференцированного партитивного значения *-у*-граммема в подобных контекстах к этому времени еще не получила.

Следующий этап, выявляемый по данным НКРЯ, связан с периодом XVI–XVII вв., когда наряду со старыми словами бывшего *й*-склонения и примкнувшими к ним словам *ѵ*-склонения с подвижным ударением (*лен*, *лес*, *горох* и др., см. 14), в аналогичных конструкциях с квантификаторами начинают системно употребляться новые слова (15–20), в том числе новые заимствования (17–20), с аналогичной флексией *-у*. Этот же этап, согласно данным Б. О. Унбегауна [Unbegaun 1935], М. В. Шульги [1987] и А. Т. Лавриненко [1975], характеризуется практически полной утратой вариативности *-у* и *-а*-флексий у большинства слов, где она присутствовала ранее:

- (14) *да сорок четвертей овса, да восемь четвертей солоду* ячного, *да четыре четверти* ячмени, *да полчетверти гороху*, *да три керби лну* [Правая грамота суда ярославских писцов <...>. Включает более ранние документы (1509, 1538) (1543)];
- (15) *сена сорок копен да кустарнику* пашенного в поле по полутретье десятины [Сотная грамота <...> на дворцовое с. Буйгород Волоцк. у. (1543–1544)];
- (16) *Пашни и перелогу* и лесом поросли 422 чети без полуосмины, *да церковные пашни 20 чети; сена 339 копен; лесу* пороснягу 57 десятин с полудесятиною; *да роци ельнику* 12 десятин с полудесятиною; *земля середняя* [Челобитная Иос.-Вол. монастыря иг. Арсения Лжедмитрию I (1606.02)];
- (17) *и принесли ему <...> 10 голов сахару, 6 свеч воцаных, 2 кожи овечьих шарапу* [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция) (1570)];
- (18) *киндяку* желтого на ризы и на стихарь подризной 3 аршина <...> кармазину 2 аршина безъ четверти [Роспись денежному расходу на изготов-

ление в церковь села Богородицына ризы и других церковных облачений (1658)];

(19) *За косякъ **бархату** черново гладково за 40 за 1 аршинъ за 2 вершка 74 р. 5 д.* [Приходная книга денежной казне (1613 г. сентября 1 — 1614, августа 12)];

(20) *Лоскутъ невеликъ **сафьяну** червленаго, цѣна 2 деньги* [Опись и продажа имения Михайлы Татищева во 116 году (1608)].

Согласно корпусным данным, в конструкциях с именными квантификаторами в период XVI–XVII вв. новые слова (*кустарник, кармазин, бархат, сафьян*) имеют только флексию -у (а не -а), что согласуется с подсчетами М. В. Шульги, выполненными на материалах Б. О. Унбегауна и А. Т. Лавриненко [1987: 80]. Формы *сафьяна, бархата*, по данным НКРЯ, появляются в конструкциях с квантификаторами только в XIX–XX вв., и в целом являются единичными вхождениями. Таким образом, данные НКРЯ подтверждают тезис Р. Ласса о семантическом переориентировании ранее существовавшей флексии родительного падежа -у в сторону паритивного значения в конструкциях с квантификаторами в период XVI–XVII в.

Третий этап развития данных конструкций (XVIII–XIX вв.), по корпусным данным, сопровождается расширением зоны их употребления на массово распространяющиеся диминутивы на -ок, -ек, -ик, -чик:

(21) *Я поднес ему мою оду; он принял ее с лицом веселым, повел меня в горницу и спросил по стакану **пуншику** покрепче.* [И. А. Крылов (?). Покаяние сочинителя крадуна (1792)];

(22) ***Кваску** точно ковшичек выпил.* [И. А. Салов. Мертвое тело (1859) // «Русский вестник», 1879].

Следует отметить, что среди встретившихся примеров второго родительного у диминутивов уже в XIX в. конструкции с именными квантификаторами по количеству вхождений постепенно начинают составлять существенно меньшую часть по сравнению с конструкциями, включающими объектное существительное с семантикой некоторого неопределенного количества, управляемое переходным глаголом, как в примере (1). Тем не менее даже в современном языке иногда употребляются конструкции вида (23):

(23) *У меня и бинт, и йод, и **спиртику** флакончик есть* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)].

С этой точки зрения можно говорить, что формы второго родительного падежа по-прежнему могут перениматься новыми словами, в том числе заимствованиями, в том случае, когда последние представляют собой уменьшительные дериваты. Однако они также могут употребляться и с флексией -а (так, пример 23 был бы абсолютно грамматичен и с формой *спиртика*, см. также [Плунгян 2005]). Судя по этим данным, можно говорить о том, что слова с уменьшительным значением в некотором роде перенимают вариативность -у и -а-форм, ранее свойственную другим лексемам [Шульга 1987: 80].

2. Конструкции с *без*

В лингвистической литературе существуют разные точки зрения на то, является ли GEN2 в конструкциях с предлогом *без* (*без отдыха*, *без умолку* и т. д.) истинно партитивным. Так, в работе [Daniel 2014] они рассматриваются среди других конструкций с предлогами, в противоположность типичным партитивным конструкциям с квантификаторами (*бутылка коньяку*), переходными глаголами, частично затрагивающими объект действия (*выпить соку*), и отрицательными частицами (*ни разу*). Тем не менее конструкции с *без*, обозначающие отсутствие объекта, семантически близки отрицательным конструкциям, в которых употребление партитива достаточно хорошо исследовано. В частности, связь партитива и отрицания является типологически распространенной в языках мира, поскольку под отрицанием объект теряет конкретно-референтный статус и становится нереферентным [Luraghi, Kittilä 2014: 27], а семантика нереферентности и/или неопределенности в целом типична для партитива. С этой точки зрения представляется правомерным говорить о партитивной семантике конструкций вида «*без* + GEN2»

Данные НКРЯ позволяют выделить три этапа развития конструкций вида «*без*+ GEN2». На первом этапе (XI–XIV вв.) неодушевленные существительные мужского рода с предлогом *без*, представленные в НКРЯ, имеют только флексию *-а* — за исключением слов изначального *й*-склонения, см. (24)–(25). Партитивное значение в конструкциях с *без* на этом этапе в текстах НКРЯ выражается только стандартным генитивом, см. (26)–(27):

- (24) *а се третье холопство тиюньство без рядоу* [Рус. Пр. 1282, л. 626 об.];
- (25) *любо ли земля без миру станет* [ГВНП 28, Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1189–1199)];
- (26) *А чего будеть искати мнѣ, и моимъ бояромъ, и моимъ слугамъ у новъгородьцевъ, и у новоторъжьцевъ, и у волочанъ, а тому всему судъ дати безъ перевода* [ГВНП 4, Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем. Грамота тверская (1296–1301)];
- (27) *А холопы, и должники, и поручники, кому не будеть суда, тѣхъ выдаваю безъ суда; а кто речеть судъ, а тому судъ.* [ГВНП 5, Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем. Грамота новгородская (1296–1301)].

Более развернутая картина, представленная в памятниках Картотеки [Шульга 1978], согласуется с этими данными. Несмотря на различные примеры варьирования между *-у* и *-а*-формами, характерные для древнерусского периода, в конструкциях с *без* XV в. для слов, не восходящих к *й*-склонению, такого варьирования нами обнаружено не было. В этой связи примечательно, что лексема *ядъ* (историческое *й*-склонение) демонстрирует значительный дрейф в сторону *-а*-форм в родительном падеже (6 из 7 вхождений, по данным [Шульга 1978: 23]), однако

единственное вхождение, сохраняющее -у-форму родительного падежа, представлено в Картотеке как раз в сочетании с *без*:

(28) *без ряду* [СбХл, л. 109, XIV в.].

На следующем этапе (приблизительно с XV в.) по данным НКРЯ можно видеть, что флексия -у постепенно распространяется на новые существительные, в первую очередь — отглагольные с нулевым аффиксом. Учитывая массовость и последовательность распространения этой флексии среди данного круга лексем с неререферентной семантикой, преимущественно двусложных и с неподвижным ударением — тем самым системно отличающихся от односложных существительных со значительно более разнородной семантикой, имеющих формы GEN2 в более раннюю эпоху, — можно предполагать, что к XV в. в подобных контекстах флексия -у в родительном падеже уже воспринималась как специфический неререферентный маркер:

(29) *что на его много всякого рукоделья дѣлал без наиму* [Псковская 3-я летопись, Архивский 2-й список (XV — пер. пол. XVII в.)];

(30) *И нѣцыи безумнии человецы без совѣту всѣхъ и без вѣдома великие ворота отворили* [Там же];

(31) *А купили есми ту землю собе и своим детем впро[к] без выкупу* [Докладная купчая <...> на жеребий сц. Стремяческое в Суздальском у. (1473–1477)];

(32) *А по людцкой ссорѣ или по оговору без обыску без прямого брань и побои* [Домострой (1500–1560)].

Примечательно, что по данным НКРЯ системное распространение партитивного GEN2 в двусложных отглагольных существительных в конструкциях с *без* происходит приблизительно на столетие ранее, чем аналогичный процесс в конструкциях с квантификаторами (см. Раздел 1). Можно предполагать, что первичной для «нового» GEN2 была именно семантика неререферентности, которая затем приобрела дополнительное значение некоторой неопределенной части целого.

На третьем этапе диахронического развития конструкций с *без* (кон. XVIII — нач. XIX в.), по данным НКРЯ, происходит расширение списка отглагольных существительных в конструкциях вида *без* + -у (*без разбору, без спросу, без счету*), включая слова с дефектной парадигмой (*без умолку, без удержу*). При этом существительные с полноценной парадигмой, помимо форм GEN2 регулярно употребляются и в формах стандартного генитива на -а. Параллельно сохраняются и постепенно фразеологизируются некоторые конструкции со словами бывшего *й*-склонения (*без году неделя*). К середине XX в. многие ранее композиционные сочетания с абстрактными отглагольными существительными с нулевым аффиксом (акт или результат действия, названного мотивирующим глаголом, ср. *без умолку, без спросу, без разбору*), а также с существительным *толк*, еще в XVII в. развившим значение 'разумное содержание, смысл, фразеологизируются и становятся наиболее употребительными среди всех конструкций с *без* (см. Таблицу 2).

Другие же ранее свободно употребляемые существительные с вещественной и абстрактной семантикой (*сахар, табак, смех, страх, шум*) постепенно перестают фигурировать в GEN2 (см. Таблицу 1), приобретая практически только формы регулярного генитива на *-а*. Некоторые из этих слов демонстрируют однозначное доминирование *а*-форм в конструкциях с *без* уже в конце XIX в. — первой половине XX в. Так, начиная с 1889 г., конструкции вида *без крика* начинают стойко преобладать над конструкциями вида *без крику*, а с 1902 г. конструкции вида *без сахара* обходят аналогичные сочетания с GEN2.

Таблица 1. Диахроническое развитие некоторых конструкций вида “*без* + GEN2” с существительными, обозначающими вещества и абстрактные состояния, в период с конца XVIII в. по XXI в.

	1770–1950	1950–2022
<i>без сахара</i>	79 (90%)	8 (10%)
<i>без шуму</i>	88 (90%)	9 (10%)
<i>без смеху</i>	25 (89%)	3 (11%)
<i>без табаку</i>	36 (86%)	6 (14%)
<i>без крику</i>	27 (87%)	4 (13%)

Таблица 2. Диахроническое развитие наиболее употребительных конструкций вида “*без* + GEN2” с отглагольными существительными, а также с существительным *толк*, в период с конца XVIII по XXI в.

	1770–1950	1950–2022
<i>без толку</i>	635 (50%)	623 (50%)
<i>без умолку</i>	609 (65%)	330 (35%)
<i>без спросу</i>	203 (50%)	203 (50%)
<i>без разбору</i>	168 (46%)	194 (54%)

Можно говорить о том, что период второй половины XX — начала XXI в. связан, с одной стороны, с массовым выходом из употребления GEN2 у существительных, обозначающих вещества и абстрактные состояния, и развитием регулярного генитива на *-а* на месте бывшего GEN2 в конструкциях с *без*, а с другой стороны — с идиоматизацией сочетаний, включающих ряд отглагольных существительных, которые обозначают результат действия или его процесс, а также существительное *толк*. В последней группе существительных также наблюдается некоторый дрейф в сторону постепенного преобладания *-а*-форм, который проходит с разной скоростью для каждого конкретного существительного. Так, сочетания вида *без разбора* начинают стабильно обходить по процентному соотношению сочетания с GEN2 уже с 1862 г. (однако конструкции вида *без разбору* вплоть до начала 2000-х гг. стабильно употребляются, хоть и реже, чем аналогичные сочетания со стандартным

генитивом), а конструкции вида *без спроса* начинают слегка преобладать над конструкциями с GEN2 начиная с 1974 г. Однако для наиболее идиоматизированных сочетаний (в частности *без толку*) вплоть до настоящего момента сохраняется стойкое доминирование GEN2.

3. Конструкции с *до*

Конструкции вида “*до* + GEN2”, как правило, рассматриваются отдельно от сочетаний, где GEN2 имеет очевидное партитивное значение [Daniel 2014]. Тем не менее с типологической точки зрения известен факт, что в других языках (в частности в финском) формы партитивного падежа вполне могут употребляться с адлогами [ISK 2004, § 689]. Так, в примерах (33–34) финский язык различает генитивное употребление (GEN + *ympäri*), обозначающее замкнутый город целиком, и партитивное (PART + *ympäri*), кодирующее некую неопределенную часть города:

- (33) *ympäri kaupunki-a*
вокруг город-PART
‘по городу’ [Luraghi, Kittilä 2014: 42];

- (34) *kaupungin ympäri*
город-GEN вокруг
‘вокруг города’ [Ibid.].

Однако в конструкциях с *до* со значением физического пространственного предела вряд ли можно видеть партитивную семантику. Данная ситуация, по данным НКРЯ, была типична для древнерусского языка до XV в., когда в сочетаниях вида “*до* + GEN2” употреблялись преимущественно существительные бывшего *й*-склонения, и вся конструкция имела пространственное значение:

- (35) *И бишася с ними и до плъку, и князь Ярослав с новгородци биша их до рѣцѣ <...> Того же лѣта изгониша литва Русу оли и до Торгу, и сташи рушане и засада, огнищане и гридба, и к тому купецъ, гостей выгнаша ихъ ис посада, бьющеся на поле* [Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка (1400–1450)].

Вместе с тем можно полагать, что некоторое колебание в сторону -у-флексии имело место в период до XV в. и для некоторых лексем бывшего *й*-склонения — в частности, *скоть* (1 вхождение):

- (36) *от старецъ и до унотъ, и до сущихъ младенецъ и тѣ(ѣ) бо млека ѿлу(ѣ)ша на ѣ. дни но и до ск(о)ту и конемъ и всеи животинѣ постъ створи(и)* [Поучения Серапиона, XIII, сп. XIV в., II, 6]

Данный пример также фигурирует в данных Картотеки [Шульга 1978: 23]). Однако по мнению А. А. Пичхадзе (личное сообщение), *до* в (36) может быть ошибочным, поскольку далее идут синтаксически однородные формы дательного падежа. Еще один пример, который теоретически может свидетельствовать о некотором

дрейфе в сторону -у-форм родительного падежа у слов ѝ-склонения, также представлен в Картотеке и содержит сочетание *до мосту*, представленное в южнорусской грамоте XIV в.:

- (37) *а ко млину границя горѣ Смотричемъ до мосту* [Розов 10, Грамота жалованная подольского князя Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю, 17 марта 1375 г.]

Других примеров, показывающих варьирование -у и -а-форм родительного падежа в конструкциях с *до*, в НКРЯ и Картотеке (данные [Шульга 1978]) нам не встретилось. Таким образом, можно говорить о том, что в период до XV в. у некоторых лексем в конструкциях с *до* изредка наблюдалось варьирование флексии родительного падежа, однако в меньшей степени, чем в конструкциях с квантификаторами (см. Раздел 1.)

На следующем этапе, приблизительно с XV в. в конструкциях вида “*до* + GEN2” начинают употребляться новые существительные, в первую очередь — отглагольные, с абстрактной семантикой состояния или процесса, см. (38)–(41). При этом старые контексты, с конкретными существительными бывшего ѝ-склонения и значением пространственного предела (ср. *до дому*), также сохраняются.

- (38) *прииде в нощи до звону заутренняяго* [Инока Фомы Слово похвальное (1450–1455)];
- (39) *А будетъ в росолѣ прокъ, а иметь быти, дать богъ, соль, ино Федору у Обросима и у Лаврентѣя и до сроку своихъ кунъ взяти половина* [Закладная на село на Лодме (1440–1460)];
- (40) *А на которыхъ людей языка два или три говорятъ, а исцы на нихъ учнутъ бити челомъ и на пытку ихъ просити, — и старостамъ и до сыску техъ людей велети пытати и управа имъ чинити по сему же наказному списку* [Уставная губная грамота Старой Рязани (1555)];
- (41) *И по той росписи стояли воеводы и до роспуску* [Разрядная книга 1475–1598 гг. Разряды 1512–1598 гг.].

В (38)–(41) сочетания с *до* имеют семантику временного предела. Учитывая абстрактное значение существительных с *до* и их нереперентный статус, можно считать, что здесь представлена семантика, близкая партитивным контекстам. Кроме того, по крайней мере в некоторых контекстах — в частности в (38) — флексия -у могла дополнительно маркировать некоторый квант называемого процесса (т. е. целое по отношению к части, в примере 38 — начало звона колоколов), а не процесс целиком. Тем самым однозначных данных, свидетельствующих о принципиально ином значении, отличном от того набора, который свойствен партитивным контекстам, у сочетаний абстрактных существительных с *до* нет.

Тем не менее конструкции вида (38)–(41) в дальнейшем не закрепляются в языке: уже с XVIII в. существительные в сочетаниях с *до*, как правило, имеют окончания регулярного генитива на -а. Начиная с XVIII в., наиболее употребительными

существительными в сочетаниях вида «до + GEN2» являются слова исторического *й*-склонения (с поправкой на то, что современное слово *пол* в значении «нижний настил» приняло формы, аналогичные древнему *пол* в значении «половина»), см. Табл. 3. Следом за ними идет идиоматизированное сочетание *до смеху*, употребляющееся фактически только в конструкциях вида *не до смеху*, и возникающее в текстах НКРЯ только в период конца XVIII в. Можно полагать, что исторически данное сочетание возникло схожим образом, что и конструкции вида (37)–(40), однако в дальнейшем очень быстро фразеологизировалось.

Таблица 3. Наиболее употребительные конструкции вида «до + GEN2» по данным основного корпуса НКРЯ

Конструкция	Число вхождений (XVIII–XX)
<i>до дому</i>	1507
<i>до часу</i>	565
<i>до полу</i>	396
<i>до свету</i>	242
<i>до смеху</i>	94

Тем не менее конструкции, представленные в Табл. 3, в период второй половины XX в. существенно изменили дистрибуцию. В частности, приблизительно с 1950-х гг. формы стандартного генитива на *-a* в данных контекстах начинают преобладать над прежними формами GEN2: с этого времени конструкции вида *до дома*, *до пола* и *до смеха* начинают постепенно доминировать над сочетаниями вида *до дому*, *до полу* и *до смеху* соответственно.

Можно полагать, что причиной подобного выравнивания окончаний стали преобладающие формы со стандартным генитивом у других существительных в аналогичных контекстах. Однако вопрос о том, почему данное выравнивание происходит только в конце XX в., заслуживает отдельного исследования.

4. Замечания о модальности

Говоря о диахронической эволюции конструкций с GEN2, представляется важным обратить внимание на типологически зафиксированную связь партитивного падежа и неутвердительной (неассертивной) модальности высказывания [Luraghi, Kittilä 2014: 28]. Так, в финском языке в ряде случаев даже в отношении конкретного объекта в вопросительных предложениях и конструкциях с сослагательным наклонением объект употребляется в партитиве:

- (42) *oli-si-ko* *sinu-lla* *tä-tä* *kirja-a?*
 иметь-COND-Q 2SG-ADESS этот-PART book-PART
 ‘Случалось ли тебе иметь эту книгу?’ [Ibid.: 29].

По данным [Tamm 2014], в эстонском языке партитив склонен эволюционировать в модальный маркер. В этой связи примечательно, что в неродственных и географически далеких от прибалтийско-финских языков якутском и долганском

(тюркская ветвь) наблюдаются схожие явления. Так, в якутском языке при повелительном наклонении прямое дополнение оформляется показателем «частного падежа» (партитива) [Убрятова 1982: 134]. В долганском языке «форма частного падежа» выражает объект предполагаемого действия. Так, герой сказки, строя предположения о своих будущих действиях, говорит: “Отут үлэһиттэ илэммин, үс халдаатта илэммин барыам ‘Тридцать рабочих взявши, трех солдат взявши, пойду’”. Когда же это произошло, сказитель сообщает: “Отут киһини илпит, үс халдааты илпит ‘Тридцать рабочих взял, три солдата взял’”. В первом случае, когда действие только предполагалось, прямое дополнение имеет форму частного падежа; во втором — когда действие уже совершилось — прямое дополнение принимает форму винительного падежа» [Убрятова 1985: 117–118]⁵.

Можно предположить, что в современном русском языке наблюдается схожий процесс в сослагательных конструкциях с частицей *бы*. В отличие от остальных контекстов, у ряда лексем (*чай, квас, коньяк*, а также диминутивных форм *чаек, квасок, коньячок*) в данных сочетаниях формы стандартного генитива на *-а* так и не начинают преобладать над *-у*-формами. Для отслеживания данного процесса было решено проследить на корпусном материале один из типичных неассертивных контекстов — модели вида *GEN2 + бы* (+ глагольная форма, если есть) с выражением желательного действия, направленного на существительное в форме *GEN2*. При этом контексты, в которых формы родительного падежа содержали при себе отрицательное прилагательное и/или управлялись глаголом под отрицанием, отфильтровывались, поскольку отрицание само по себе относится к типологически распространенным условиям для употребления партитивных форм и в связи с этим могло исказить статистику.

Результаты анализа конструкций вида *GEN2 + бы* и *GEN* (= *-а*-форма родительного падежа) + *бы* приведены в Табл. 4 и разбиты на периоды по векам (данные XV и XVI вв. объединены в силу только одного вхождения за XV в.; аналогичным образом объединены данные XVII и XVIII вв., в силу единичного вхождения за XVII в., и XX–XXI вв., в связи с единичным вхождением в текстах XXI в.).

Таблица 4. Соотношение моделей вида *GEN2 + бы* и *GEN + бы*, по данным НКРЯ

	XV–XVI	XVII–XVIII	XIX	XX–XXI
<i>GEN2 + бы</i>	7 (100%)	1 (100%)	40 (85%)	74 (70%)
<i>GEN + бы</i>	0	0	7 (15%)	32 (30%)
Всего	7	1	47	106

По данным Табл. 4 можно видеть, что на протяжении всего исследуемого времени формы *GEN2* в конструкциях с *бы* со значением пожелания употребляются существенно чаще стандартных генитивных форм (χ -квадрат, p -value < 0,001). Однако в период XX в. формы стандартного генитива на *-а* в конструкциях с *бы* начинают

⁵ Примечательно, что в первом примере также используется нефинитная форма глагола, типологически часто коррелирующая с неассертивностью [Nikolaeva 2007]

употребляться чаще, чем в более раннюю эпоху (χ -квадрат, p -value < 0,05), хоть и по-прежнему уступают формам *GEN2*.

Ниже приведены некоторые примеры каждого вида конструкций.

GEN2 + бы:

- (43) *да и **запасу бы** прислал еси торгу для* [Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 5-я. 1557–1561 гг (1557–1561)];
- (44) *Да **меду б** еси пресного много прислал* [Там же];
- (45) *А **корму бѣ** есте имѣ велѣли давать* [Царская грамота на Белоозеро воеводе Ивану Ивановичу Борнякову <...> (1625.10.21)];
- (46) ***чайку бы** выпить* [В. А. Соллогуб. Тарантас (1845)];
- (47) *а по холодку-то и **коньячку бы** хватить не мешало...* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6 (1867)];
- (48) *Эй, Соломѣя, квасу, **квасу бы** мнѣ, квасу-у!* [В. Г. Старостин. Похождения семинариста Хлопова (1870)];
- (49) ***Балычку бы** осетрового...* [А. И. Куприн. Друзья (1896)];
- (50) *Лежал бы себе в тарантасе, приехали бы себе на постоянный двор, в теплую комнату, **чаю бы** напился...* [В. А. Слепцов. Владимирка и Клязьма (1860–1861)];
- (51) — *Вот **табачку бы**, — просил раненый солдат, слушая* [Л. Ф. Зуров. Иванда-марья (1956–1969) // «Звезда», 2005];
- (52) ***Суну бы**, с лапшой.* [Рид Грачев. Одно лето (1958)];
- (53) — ***Воздуху бы** мне...* [Федор Абрамов. Дом (1973–1978)];
- (54) ***Кумысу бы** испить!* [Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)];
- (55) ***Рассолу бы**, что ли, принес, скотина* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

GEN + бы:

- (56) *вон я от печки поела, **пирога бы** калинника пожевала...* [С. В. Максимов. Из книги «Лесная глушь». Том 1 (1859)];
- (57) — ***Хлебца бы** нужно.* [А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо второе (1872)];
- (58) — ***Огонька бы** надо!* [Г. И. Успенский. Кой про что (1885)];
- (59) — ***Рожна бы** вам горячего!* [Скиталец (С. Г. Петров). Огарки (1906)];
- (60) ***Ветерка бы**, чистого воздуха...* [В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном (1977)];
- (61) ***Дождя бы** сейчас...* [В. Доценко. Срок для Бешеного (1993)];
- (62) *Остохренел бардак. **Порядка бы**.* [Нина Садур. Немец (1996)].

Уже с XIX в. можно отчетливо наблюдать наиболее часто употребляемые лексемы: *чай / чаек* (12/29 вхождений, соответственно), *квас / квасок* (5/13 вхождений, соответственно) и *коньяк / коньячок* (3/4 вхождения, соответственно) для конструкций вида *GEN2 + бы* и *хлеб / хлебец* (5/7 вхождений, соответственно) для *GEN + бы*. По-видимому, к употреблению в *GEN2* в данных конструкциях в большей степени тяготеют существительные с вещественной семантикой, обозначающие жидкости и порошкообразные сущности, пригодные для употребления в пищу, тогда как более твердые неисчисляемые субстанции ((56)–(57)) и природные явления ((58), ((60)–(61)) употребляются преимущественно в *-а*-формах. Систематизация этого вида существительных еще остается предметом дальнейших исследований. Однако в целом, по данным текстов XVI–XXI вв., есть основания полагать, что типологическая тенденция к партитивному употреблению в неутвердительных предложениях прослеживается и в русском языке, в виде доминирования форм *GEN2* в конструкциях с *бы*.

Заключение

В данной статье на корпусных данных был рассмотрен процесс диахронической эволюции конструкций со вторым родительным падежом (*GEN2*) в различных видах контекстов (конструкции с квантификаторами и предложные сочетания вида “*без + GEN2*” и “*до + GEN2*”). Было обнаружено, что на этапе до XIV в. данные НКРЯ иногда показывают несколько более упрощенную картину данных, не всегда отражающую варьирование между *-у* и *-а*-флексиями у ряда лексем, в отличие от данных Картотеки СДРЯ. Однако более поздние данные НКРЯ уже демонстрируют ряд системных диахронических явлений в дальнейшем распространении *-у*-флексии. Согласно данным НКРЯ, ранее всего — приблизительно в XV в. — флексия *-у* системно распространилась у отглагольных существительных в конструкциях с предлогами. Затем, приблизительно в период XVI–XVII вв. — в конструкциях с количественными квантификаторами, у неотглагольных существительных с вещественной семантикой. В дальнейшем в конструкциях с квантификаторами формы регулярного генитива на *-а* достаточно быстро вытесняют формы *GEN2*, однако данный процесс в меньшей степени характерен для диминутивов, в которые *GEN2* проникает в период XVIII–XX вв. и возможен до сих пор, в том числе для заимствований.

Что касается конструкций с предлогами, по данным НКРЯ есть основания видеть партитивную семантику *GEN2* как в конструкциях с *без* (нереферентность под отрицанием), так и в части конструкций с *до* с отглагольными существительными с процессуальной семантикой (= некоторый квант описываемого процесса). И в конструкциях с *без*, и в конструкциях с *до*, за исключением отглагольных существительных с дефектной парадигмой, в период XX в. формы на *-а* начинают массово вытеснять формы *GEN2*, однако не вытесняют окончательно.

Также можно предполагать, что в современном русском языке отчасти присутствует тенденция, характерная для многих других языков (в частности прибалтийско-финских и некоторых тюркских), при которой употребление партитивного

GEN2 в большей степени характерно для неутвердительных предложений. Данное явление прослеживается на примере дистрибуции форм *GEN2* и стандартного генитива в сочетании частицей *бы*, где вплоть до настоящего времени доминируют формы *GEN2*.

Ряд вопросов, связанных с более детальным анализом семантики существительных, а также исследованием других контекстов с *GEN2* — в частности с другими предлогами и с некоторыми переходными глаголами, остался за рамками настоящей работы и является задачей будущих исследований.

Источники

ГБ XIV — Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., ГИМ, Син., № 954.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С. Н. Валк (ред.). М. 1949.

Гр. — берестяные грамоты XI–XV вв. [электронный ресурс] URL: <http://gramoty.ru/birchbark/>

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2 Ипатьевская летопись. М., 1998.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/>

Поучения Серапиона — Поучения Серапиона Владимирского // Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888.

Розов — Розов В. Українські грамоти. XIV і перша половина XV. Київ, 1928. Т. 1.

Рус. Пр. по сп. 1282 г. — Русская Правда по списку Новгородской кормчей 1282 г. // Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. М. — Л., 1930.

С6Хл XIV — Поучение о спасении души // Сборник, XIV в., ГИМ, Хлуд., № 30д. Л. 98–110об.

Литература

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006 [Перепечатка издания 1963 г.].

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006.

Лавриненко А. Т. История вариантных флексий родительного падежа единственного числа имен существительных мужского рода *-а/-я* и *-у/-ю* в русском и украинском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М.: 1975.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974.

Плунгян В. А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. 2005. № 2 (23) [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/plungyan-05.htm>

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

РГ-80 — Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Малышева А. В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и архангельских говоров). Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010.

Сичинава Д. В. Панхронический поиск: обеспечение одновременного запроса к современным и историческим корпусам // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 2. С.

Убрятова Е. И. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.

Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.

Шульга М. В. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности. // Исследования по исторической морфологии русского языка / Аванесов Р. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. С. 3–40.

Шульга М. В. К истории восточнославянского генитива // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 72–83.

Шульга М. В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017.

Daniel M. The Second Genitive in Russian // Partitive cases and related categories. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014. P. 347–377.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

ISK — Iso suomen kielioppi. Ed. by A. Hakulinen, M. Vilkkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen and I. Alho. Helsinki: SKS, 2004 [Электронный ресурс] URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>

Lass R. How to do things with junk: Exaptation in language evolution // Journal of Linguistics. 1990. № 26. P. 79–102.

Luraghi S., Kittilä S. Typology and diachrony of partitive case markers // Partitive cases and related categories. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014. P. 17–62.

Nikolaeva I. Constructional economy and nonfinite independent clauses // Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations. Ed. by I. Nikolaeva, F. Plank. Oxford: Oxford University Press. 2007. P. 138–180.

Tamm A. The partitive concept versus linguistic partitives: from abstract concepts to evidentiality in the Uralic language // Partitive cases and related categories. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014. P. 80–152.

Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Unbegaun B. O. La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). Paris : H. Champion, 1935.

Evgeniya V. Budennaya

National Research University Higher School of Economics

Institute of linguistics, RAS

(Moscow, Russia)

jane.sdrv@gmail.com

KON'JAČKU BY, DA DO DOMU: ON THE DEVELOPMENT OF SOME SECOND GENITIVE CASE FORMS IN RUSSIAN

The article based on the material from Russian National Corpus discusses the diachronic development of structures with Russian second genitive case in three types of contexts: 1) with nominal quantifiers; 2) with the preposition *bez* 'without'; 3) with the preposition *do* 'towards'. The data obtained from Russian language are compared with the data from other languages (Finnic ones and several Turkic ones), in which there is a tendency to use the partitive case in non-affirmative clauses. The results of the study show that in all three types of the studied contexts one can observe the partitive semantics of GEN2. In addition, the partitive *u*-flexion of GEN2 primarily spreads in the 15th century in deverbal nouns expressing a result or an action itself (constructions like *bez razboru* 'without sorting', *bez sprosu* 'without asking', etc.), as well as in deverbal nouns expressing process or state (constructions like *do zvonu* 'before the bell', *do sroku* 'before the term', etc.). Subsequently, GEN2 in the studied contexts develops differently: in all combinations, except for nouns with a defective paradigm, the forms of the regular genitive in *-a* gradually replace those of GEN2, but for diminutives, including those formed from borrowings, in constructions with nominal quantifiers, the GEN2-pattern is still in use. In addition, the distribution of the standard genitive and of the GEN2-forms in conditional mood with the particle *by* suggests a tendency to use GEN2 in Russian non-assertive contexts, which is common in a number of different languages.

Keywords: Russian, genitive, partitive, secondary cases, diachronic analysis, corpus linguistics

References

Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Izd. 3-e, stereotipnoe. Moscow, "KomKniga" Publ., 2006 [Reprint of the 1963 edition]. (In Russ.)

Daniel M. The Second Genitive in Russian. *Partitive cases and related categories*. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 347–377.

Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow, “Vysshaya shkola” Publ., 1981. (In Russ.)

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Iso suomen kielioppi. Ed. by A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen and I. Alho. Helsinki: SKS, 2004 [Электронный ресурс] URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>

Krysko V. B. *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka: Obekt i perekhodnost'* [Historical syntax of the Russian language: Object and transitivity']. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2006. (In Russ.)

Lass R. How to do things with junk: Exaptation in language evolution. *Journal of Linguistics*, 26, 1990, pp. 79–102.

Lavrinenko A. T. *Istoriya variantnykh fleksiy roditelnogo padezha edinstvennogo chisla imen sushchestvitelnykh muzhskogo roda -a/-ya i -u/-yu v russkom i ukrainskom yazykakh*. Thesis. Moscow, 1975. (In Russ.)

Luraghi S., Kittilä S. Typology and diachrony of partitive case markers. *Partitive cases and related categories*. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 17–62.

Markov V. M. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Imennoe sklonenie*. Moscow, “Vysshaya shkola” Publ., 1974. (In Russ.)

Nikolaeva I. Constructional economy and nonfinite independent clauses. *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Ed. by I. Nikolaeva, F. Plank. Oxford: Oxford University Press. 2007, pp. 138–180.

Plungyan V. A. Zachem my delaem Natsionalnyy korpus russkogo yazyka? *Otechestvennye zapiski*, 2(23), 2005. [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/plungyan-05.htm> (In Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku*. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet Publ., 2011. (In Russ.)

Malysheva A. V. *Iz istorii russkogo glagolnogo upravleniya: obektnyy genitiv (na materiale russkikh letopisey i arkhangel'skikh govorov)*. Thesis. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2010. (In Russ.)

Russkaya grammatika. Vol. I. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, “Nauka” Publ., 1980. (In Russ.)

Shulga M. V. Paradigma tipa med v drevnerusskoy pismennosti. Avanesov R. I. (resp. ed.). *Issledovaniya po istoricheskoy morfologii russkogo yazyka*. Moscow, “Nauka” Publ., 1978, pp. 3–40. (In Russ.)

Shulga M. V. K istorii vostochnoslav'yanskogo genitiva. *Voprosy yazykoznaninya*, 1987, no. 6, pp. 72–83. (In Russ.)

Shulga M. V. *Grammaticheskie oppozitsii v istorii morfologii imeni*. Moscow, “Indrik” Publ., 2017. (In Russ.)

Sichinava D. V. Pankhronicheskiy poisk: obespechenie odnovremennogo zaprosa k sovremennym i istoricheskim korpusam. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2024, no. 2. (In Russ.)

Tamm A. The partitive concept versus linguistic partitives: from abstract concepts to evidentiality in the Uralic language. *Partitive cases and related categories*. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 80–152.

Timberlake A. *A reference grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Ubryatova E. I. *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. T. 1: Fonetika i morfologiya*. Moscow, “Nauka” Publ., 1982. (In Russ.)

Ubryatova E. I. *Yazyk norilskikh dolgan*. Novosibirsk, “Nauka” Publ., 1985. (In Russ.)

Unbegaun B. O. *La langue russe au XVIe siècle (1500–1550)*. Paris: H. Champion, 1935.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow, “Nauka” Publ., 1967. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. Moscow, “Yazyki slavyanskoy kultury” Publ., 2004. (In Russ.)